

В нынешние времена продовольствие — такая ценность, а пустых домов кругом полно, но за такую крошечную, обшарпанную коробку просить целых двести цзиней кукурузной муки — явное обжорство, замахиваются на большее, чем могут проглотить.

Они так и стояли, разговаривая прямо у порога. Пусть это и выглядело не слишком вежливо, Цю Чэн всё же не хотел пускать Шэнь Син в дом: внутри всё ещё жило столько полевых мышей, а на террасе колосилось столько злаков — ей никак нельзя было этого видеть.

Закончив разговор и заметив, как поздно стало, Цю Чэн проводил её до самой большой дороги за пределами жилого комплекса.

А Чан сидел на перилах террасы, вытянув шею и глядя, как Цю Чэн и Шэнь Син вышли из подъезда, пересекли зеленую зону и удалялись всё дальше и дальше...

Лишь спустя долгое время он спрыгнул с перил, на цыпочках проскользнул в ванную и, поймав тусклый свет, падавший из гостиной, приблизил лицо вплотную к зеркалу. Немигая, он уставился на собственное отражение, и по мере того, как он всматривался, в его сердце неожиданно зародилось какое-то горькое чувство. Совсем некрасивый.

Проводив Шэнь Син до большой дороги, Цю Чэн вернулся назад. Дома он заметил, что в гостиной горит свет, а А Чана нет, и сперва подумал, что тот уже ушел ловить полевых мышей. Но вскоре этот парень вернулся, таща на плече огромный мешок, и с видом гордого хвастуна принялся выкладывать нажитое прямо перед Цю Чаном.

Тапочки, старые футболки, шариковые ручки, степлеры, пенка для умывания, зубные щетки с пастой, очки для близоруких, капроновые чулки... Чего там только не было.

Выстроив всё это добро перед Цю Чаном в ряд, А Чан наконец обрел крохи уверенности и на ломаном путунхуа похвастался перед своим спутником:

— У меня ещё много!

В нынешние времена дефицита те вещи, что принес А Чан, имели хоть какую-то ценность, но стоять рыночной экономике восстановиться и фабрикам запустить производство, как этот скарб, пожалуй, станет и вовсе гроша ломаного не стоить.

Пять лет назад люди покупали одежду и предметы быта — дорогие или дешевые, но непременно новые. Кто позарится на старье?

— У тебя ещё много? Где? — переспросил Цю Чэн. А Чан схватывал на лету: поначалу он не знал ни слова, но стоило им немного пожить вместе, как он уже сносно изъяснялся.

Убедившись, что Цю Чэну и вправду пришлось по душе эти вещи, А Чан радостно оскалился в улыбке, а затем двинулся вперед, вызвавшись показать Цю Чэну сокровища, припрятанные по

разным тайникам.

Первым делом они направились к двухэтажному жилому дому позади жилого комплекса Цзяюань. А Чан ловко ухватился за выступ стены у самого угла и в несколько мгновений вскарабкался на второй этаж, отворил окно, влез внутрь, а после спустился вниз и открыл дверь Цю Чэну.

Войдя в дом, Цю Чэн зажег принесенный с собой огарок свечи. При мерцающем свете он принялся разглядывать вещи, заполнившие комнату. На столах и стульях громоздились бутылки и баночки всех мастей, среди которых было немало бутылок из-под газировки, правда, все до единой пустые.

Отыскав в углу несколько флаконов с моющим средством, Цю Чэн перенес их к выходу, намереваясь захватить с собой на обратном пути.

— Несъедобно, — стоило А Чану бросить взгляд на эти бутылки, как его лицо непроизвольно скривилось. Когда-то давно он принял эти пестрые склянки за напитки — выглядели они похоже, да и падали приятно. Открыв одну, он сделал глоток, и этот вкус до сих пор стоял у него в памяти свежо и отчетливо.

— Это не еда, — улыбнулся Цю Чэн и принялся рыться в грудe хлама в углу.

После этого Цю Чэн проследовал за А Чаном к другим тайникам, где раздобыл немало полезных вещей. Больше всего его обрадовали трехколесный велосипед и электронные весы. Притащив весы домой и подключив их к сети, он убедился, что они исправно работают.

Тройка велосипеда стояла внизу, в гараже. Там сейчас был припаркован лишь электрический скутер, на котором Цю Чэн ездил раньше, так что поместить рядом еще и велосипед не составляло никакого труда.

В ту ночь они смотались туда и обратно несколько раз. Помимо необходимых в хозяйстве вещей, добычей в основном стали одежда, обувь и носки — Цю Чэн решил сначала разобраться с ними.

А Чан бегал за Цю Чэном по пятам, раз за разом вытаскивая из своих тайников горы сокровищ. От этого на душе у него скребли кошки: выходит, чтобы заполучить хорошего спутника, придется выложить куда больше добра.

К счастью, на том берегу реки у него оставалось еще несколько тайников, и эта мысль немного его утешала. Судя по всему, придется и дальше обустраивать новые схроны... Сколько же сокровищ понадобится, чтобы Цю Чэн согласился вечно быть его парой? — размышлял А Чан, глядя в спину идущему впереди человеку, и чувствовал, что добра потребуется поистине невероятное количество.

Ранним утром следующего дня, хотя на работу идти было не нужно, Цю Чэн встал в привычное время. Сначала он поднялся на террасу, сорвал созревшие помидоры и перцы, полил грядки удобренной водой, а затем заглянул в деревянный коробок в гостиной — там прибавилось еще с десяток крупных крыс. Похоже, прошлой ночью улов А Чана удался на славу.

Накануне, перетащив вещи, А Чан снова ушел охотиться на грызунов и, провозившись всю ночь, должно быть, ужасно умотался — теперь он крепко и сладко спал, свернувшись калачиком на постели.

Цю Чэн разобрал добро, накопленное за последнее время: несколько банок томатной пасты, несколько пучков сушеного перца чили, свежие помидоры. Зеленый лук снова знатно подрос, можно было срезать еще порцию. Крупных крыс в коробе набралось больше двух десятков; подумав, Цю Чэн решил взять не всех, а штук пятнадцать, прихватив вдобавок несколько пластинок вяленой мышатины.

У трехколесного велосипеда под нижней рамой все три шины спустило — если катить его так до самого города, можно было угробить даже обода. Пришлось Цю Чэну вести его вброд, а после рынка предстояло еще поискать мастера по ремонту.

Та же улица, что и в прошлый раз. Несколько дней отсутствия, а место стало еще оживленнее. Цю Чэн шел вдоль ряда лавок, но сперва никак не мог обнаружить свободного пятачка для торговли.

— Эй, дружище! Дружище! Стой, тебе сюда!

Услышав оклик, Цю Чэн обернулся и увидел машущего ему мужчину средних лет. Лицо показалось смутно знакомым, и вскоре он вспомнил: в прошлый раз, когда он торговал на этой улице, этот человек продавал по соседству детскую обувь.

— Давай, иди сюда, вставай на мое место, я тебе подвинусь, — гостеприимно зазывал хозяин обувной лавки.

Цю Чэн послушно подкатил велосипед ближе, и сосед действительно подвинул свои товары, освобождая для него местечко.

— Куда ты запропастился на столько дней, почему не выходил на торговлю? — завязал разговор продавец обуви, параллельно наводя порядок в раскиданной обуви.

— На работе был, — ответил Цю Чэн, укрепляя доску поперек кузова трехколесного велосипеда и выкладывая на нее товар.

— Что, и сегодня не работал? — любопытствовал тот.

— Работа кончилась, бригаду распустили, — отозвался Цю Чэн.

— Вчера расчет получили? Ты ведь электрик, верно? — у этого парня язык был хорошо подвешен, новости он узнавал первым. — Мой племянник тоже по электрической части, сын сестры, ему всего двадцать. Еще недавно хвастался мне, мол, работа не пыльная и платят прилично. Ну что, теперь небось локти кусает? Ха, у электриков-то всё быстро закончилось: сантехники еще и половины труб не проложили, а Синьнаньский университет всю готовится к подаче света на весь город.

— А ты парень башковитый, бросил электричество и за торговлю взялся. Да еще мастерски крыс ловишь — говорят, тварь эта ужасно увертливая, как тебе удается их добывать? — Мужчина уставился на пластинки вяленой мышатины так жадно, будто его глаза приклеили к ним клеем.

— Не я их ловлю, — запротестовал Цю Чэн. Какое у него могло быть мастерство по ловле крыс?

— Ну, раз у тебя есть каналы сбыта — значит, голова на плечах есть. Помнишь тех ребят, что в прошлый раз у тебя мышей купили? Пару дней назад опять заглядывали, расспрашивали, куда ты пропал, и наказали передать весточку, как только тебя увижу.

— Из какого они ведомства? — Разве можно упускать клиента?

— Из нашего городского управления строительства. Пройдешь до конца этой улицы, свернешь налево, еще сотенка метров — и на месте. Совсем рядом, — махнул рукой продавец.

— Сверну туда, как закончу торговлю, — кивнул Цю Чэн. С этим соседом они были едва знакомы, оставлять на него товар он не решался, но и собирать всё на глазах у человека из-за такого короткого расстояния казалось излишней подозрительностью. Подождем немного.

— Слушай, они как раз сейчас свободнее всего, к вечеру могут разъехаться. Давай я сбегая за тебя? Всё равно у меня в лавке целый день ни души, — предложил услугу сосед.

— Выручишь, буду признателен, — поблагодарил Цю Чэн и протянул ему крупный спелый помидор.

— Да брось ты, неудобно даже, — расплылся в улыбке торговец, принимая овощ, и тут же предупредил: — Только ты присмотри за моими туфлями, в последнее время по улице шастает шпана с липкими ручками.

После такого напутствия Цю Чэн бдительности не терял, чутко охраняя оба прилавка. Вскоре тот самый продавец вернулся, ведя за собой нескольких сотрудников строительного управления.

— По той же цене! — едва заглянув в плетеную сумку, которую протянул Цю Чэн, обрадовались те, заметив, что нынешние грызуны выглядели еще крупнее и жирнее прежних.

— По рукам, — Цю Чэн не стал чинить препятствий постоянным и надежным оптовикам.

— Сколько всего?

— Одиннадцать штук.

— Всего одиннадцать? На всех не хватит.

— Ладно, сперва заберем, а там разберемся.

— Три крысы идут за восемь кукурузных лепешек, за одиннадцать сколько?

— Одиннадцать умножить на восемь третьих... Сколько будет?

— Двадцать девять и три. Хозяин, давай за двадцать девять округлим.

— И пучок зеленого лука в придачу.

— И перца тоже насыпь.

— Бери больше, давай-давай...

— Пошли, пошли.

— Погоди, куда спешишь? Я еще пару помидоров возьму.

— Почем томаты?

— Две лепешки за штуку.

— Пахнет аппетитно, попробовать можно?

— Пожалуйста.

— Ох, вкус отменный! Было бы острее — вообще цены бы не было.

— Две лепешки? Беру бутылку.

— ...

В конце концов, шумно переругиваясь, они унесли дюжину крыс, прихватив заодно большую часть помидоров, лука и перца. Цю Чэн вытащил из сумки сшитый из ситцевой футболки мешок и стал складывать туда лепешки одну за другой, пока тот не набился тугим комком.

— Ну и богатеи, — завистливо вытягивали шеи соседи по ряду, наблюдая за бойкой торговлей.

— Чего им не жить? Оба супруга при должности, голод им не грозит. У нас в комплексе живут — так даже старики на пенсии, а выданные лепешки девать некуда, не съедают.

— Эх, всё-таки стоило идти в госслужащие!

— Тоже мне, панацея. Вон парень мышами торгует — у него жизнь куда слаще.

— Думаешь, крыс так легко добывать? А норы их где искать, знаешь?

— Мальчишкам побегать по округе еще куда ни шло, а прокормиться этим на постоянку — ноги протянешь.

Мнения разносились вокруг, но Цю Чэн молчал. Мысленно он решил, что вяленая мышатина идет хуже живой, так что впредь стоит сократить заготовки. А то, что уже засушено, они с А Чаном прикончат сами — ничего не пропадет зря.

Томатную пасту забраковали за отсутствие остроты, но с этим пока поделаться было нечего: он варил самый примитивный соус — кипяченые помидоры с щепоткой соли. Сделать томатно-острый соус — задача куда сложнее, тут без имбиря с чесноком никуда, иначе выйдет безвкусно, а имбирь с чесноком на их террасе еще только проклюнулись.

— Ты за день заколачиваешь больше, чем я за месяц, — с легкой завистью бросил продавец обуви.

— Будто мне это даром обходится, — улыбнулся Цю Чэн.

Дальше торговля пошла вяло. Разговорившись с разговорчивым соседом по ряду, Цю Чэн узнал, что того зовут старый Ху. Не глядя на его нынешний вид, в прошлом этот человек ворочал миллионами, держал в центре города магазин детской обуви, имел машину, квартиру и ни одной жены — жил припеваючи.

— Послушай моего совета, — поучал старый Ху, хотя сам же и сгорал от зависти. — С таким товаром тебе светиться здесь опасно, вон у соседей аж глаза кровью наливаются.

Сам старый Ху, конечно, рассуждал свысока, хотя в душе его грызла досада — раньше таких пареньков, как Цю Чэн, он и за людей не считал.

— А куда податься? — задумался Цю Чэн. Может, продукты для управления строительства возить им прямо на дом?

— Знаешь ночной рынок у вокзала? — спросил старый Ху.

— Там есть ночной рынок? — удивился Цю Чэн. Он никогда не отличался прозорливостью в таких делах. Раньше обо всех городских сплетнях ему рассказывал Старый Ли, но теперь электромонтажная бригада распущена, Старого Ли отправляют в деревню, и информационный вакуум вокруг него лишь сгущался.

— Недавно открылся. Служащим днем на службе торчать надо, а по вечерам делать нечего. Я туда каждый день хожу, торговля побойче дневной будет.

— Надо сегодня глянуть вечерком, — решил Цю Чэн. Объемы его продаж невелики, и если по вечерам дела идут лучше, по утрам можно вообще не выходить.

— Торговля-то хорошая, но вот с порядком по ночам... В общем, держи ухо востро, — предостерег старый Ху.

— Я понял, — кивнул Цю Чэн. Вечерний рынок — это не дневной, да и если у вокзала и вправду так оживленно, всякая сомнительная публика из города наверняка потянется туда же.

Поторговав еще немного и видя, что покупателей нет, Цю Чэн свернул лавочку пораньше, решив разведать обстановку у вокзала ближе к вечеру.

Расспросив старого Ху, где правят велосипеды, он подкатил трехколесник к мастерской. За одну кукурузную лепешку мастер заклеил две спустившие камеры, а третья оказалась слишком изношенной, пришлось ставить новую. Услужливый мастер вдобавок сменил сломанную педаль и смазал цепь. Обрато Цю Чэн ехал уже верхом — на отремонтированном транспорте куда быстрее.

Оставшуюся часть дня Цю Чэн посвятил разбору одежды, привезенной накануне: мужское отдельно, женское отдельно, детское тоже по кучкам. За долгие месяцы хранения вещи залежались и пахли сыростью — без стирки их не продашь. Пришлось возить их партиями к реке, полоскать и сушить на крыше, пока та не оказалась уставленной вешалками от края до края.

До наступления темноты он успел сколотить еще один деревянный коробок для крыс — размером с прежний. Поставив их друг на друга, он сэкономил место, хотя кормить нижний ярус и выуживать оттуда грызунов стало хлопотнее. Впрочем, с его навыками плотника смастерить дверцу сбоку не получилось бы, так что пока сойдет и так.

Сгущались сумерки. Поужинав, Цю Чэн вновь засобирався на выход. За день на террасе поспело еще несколько томатов вдобавок к непроданным остаткам, а в ловушках снова шуршали крысы. Накануне он сшил еще пару тканевых мешков как раз для этой цели.

— Куда? — стоило ему потянуться за рюкзаком, как А Чан вскочил с дивана. Прежде Цю Чэн никогда не уходил из дома по вечерам.

— Торговать. Скоро вернусь, — излишняя привязанность А Чана порой заставляла Цю Чэна относиться к нему как к малому ребенку.

Сложив пожитки, закинув рюкзак и прихватив мешки, Цю Чэн направился к выходу. Уже на пороге, собираясь затворить дверь, он бросил взгляд назад и заметил, что А Чан тенью следует за ним.

— Ты... — у Цю Чэна дрогнуло сердце.

В глазах А Чана мгновенно вспыхнула безграничная надежда.

— Хочешь со мной? — рассудил Цю Чэн, что раз на дворе ночь, странности А Чана вряд ли привлекут излишнее внимание.

Ради этой вылазки Цю Чэну пришлось вернуться вглубь комнаты и заняться внешним видом спутника. Холод А Чан переносил стойко: пока некоторые еще кутались в шерстяные свитера, а сам Цю Чэн носил плотную кутку, А Чан щеголял с голым торсом. Правда, после настойчивых уговоров Цю Чэна он согласился на майку, а для ночной вылазки Цю Чэн выдал ему черную майку, чтобы не выделяться в засаде.

Мешковатые и длинные штаны А Чан не признавал — предпочитал короткие, чуть выше колен, узкие, но исключительно эластичные, чтобы при броске в кустах одежда не цеплялась за ветки и не выдавала его присутствие.

Но для ночного рынка шорты и майка явно не годились — слишком вызывающе. Порывшись в шкафу, Цю Чэн извлек тонкий темно-фиолетовый свитер, свободные брюки, а напоследок, заметив босые ноги парня, выудил из обувницы шлепанцы — в кроссовках или туфлях этот дикарь усидеть не смог бы.

Облачившись в обновки, А Чан с неуклюжим видом замер перед зеркалом, с тревожной надеждой поглядывая на Цю Чэна: хорош ли он?

Говорят, одежда красит человека, но Цю Чэн убедился, что и человек красит одежду. Самый заурядный свитер в сочетании со спортивными брюками сидел на А Чане так, будто сошел с подиума какого-то премиального бренда, а копеечные шлепанцы приобрели налет непринужденного шика.

Цю Чэн повертел его так и сяк — писанный красавец, разве что шевелюра чересчур длинная и растрепанная. Попадись они патрульным — не миновать вопросов с удостоверением личности. Пришлось снова лезть в ящики в поисках резинки для волос.

Возились долго, так что выкатились из двора на трехколеснике только тогда, когда темнота окончательно укутала город. Цю Чэн крутил педали, а А Чан сидел на узкой боковой доске кузова, с детским восторгом разглядывая дома и деревья у обочины.

Он прожил здесь всю жизнь, каждое дерево и каждый угол были ему знакомы до боли, но сейчас всё казалось иным. Даже кружащие в воздухе сухие листья выглядели совершенно по-новому.

При каждом прохождении мимо случайных прохожих А Чан инстинктивно втягивал вытянутую шею и несколько раз едва не сиганул с тележки прямо в придорожные тени, пытаясь скрыться.

Но он сдержался. Тонкими пальцами А Чан слабо зацепился за полу куртки Цю Чэна, и в груди его, помимо панического страха, затрепетало неведомое, пьянящее чувство.

Перед привокзальной площадью Синьнаня раскинулся тройной перекресток: одна дорога вела к Синьнаньскому университету, вторая — к низовьям реки Синьнань, третья — в центр города.

Ночной рынок облепил этот узел с трех сторон. Едва приблизившись к вокзалу, Цю Чэн увидел запруженную пешеходами улицу, усеянную пестрыми рядами палаток. Горели все уличные фонари, и время от времени в толпе мелькали фигуры патрульных.

<http://bllate.org/book/21998/2286874>